

Япония: поколение локдауна

Л. В. Жилина

Аннотация. В 2020–2021 гг. к проблемам японской молодежи, связанным со старением населения страны и увеличением трудовой нагрузки на молодое поколение, прибавились трудности, обусловленные наступлением на Японию нескольких волн пандемии COVID-19. Молодые японцы сталкиваются с многочисленными потрясениями, вызванными сбоями в образовании и обучении, падением занятости и доходов, большими трудностями с поиском работы, эмоциональными и психологическими проблемами, связанными с изменениями в привычном образе жизни.

Пандемия COVID-19 вынудила многие школы и университеты прервать работу или перейти на форматы удаленного обучения. Новая реальность заставила ускорить процесс активизации онлайн-обучения и внедрения новых ИТ-технологий для студентов и преподавателей. Это обстоятельство имеет множество положительных последствий, например, таких как возможность продолжения образования и работы молодежи в интернете. Однако исследования также показывают, что в стране наблюдается углубляющееся неравенство в доступе молодых людей к современным передовым технологиям и различным видам онлайн-деятельности.

Традиционный японский образ жизни предполагает тесное и постоянное взаимодействие между людьми в трудовых коллективах, школьных классах, институтских аудиториях. В этих условиях необходимые во время пандемии меры дистанцирования и изоляции могут восприниматься как принудительные. Одним из ответов на подобные вызовы стала быстро распространившаяся практика *onrain dōsei* (совместной жизни в сети), когда молодые участники видеочатов даже не разговаривают, а просто занимаются повседневными делами, оставаясь в сети.

В данной работе этот круг вопросов рассматривается применительно к японской молодежи, проблемы которой (уже на первом этапе эпидемии (2020 — начало 2021 гг.) обнаружили свои особенности, связанные со спецификой политической, экономической, общественной и повседневной жизни страны. Производится сравнение японских подходов с методами решения

схожих проблем, применяемыми в других странах, прежде всего, в государствах АТР и США.

Ключевые слова: японская молодежь, эпидемия COVID-19, поколение изоляции, проблемы дистанционного обучения.

Автор: Жилина Лариса Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, факультет Иностранных языков ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, Россия, 644077, Омск, проспект Мира д. 55 а.

ORCID 0000-0002-6337-3870.

SPIN-код РИНЦ: 6910-2963

E-mail: larissa-zhilina@yandex.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Japan: Lockdown Generation

L. V. Zhilina

Abstract. In 2020–2021, in Japan, the problems caused by several waves of the COVID-19 pandemic have been added to the challenges related to the aging of the population and the increasing workload of the young generation. Young Japanese face numerous shocks caused by disruptions of educational system, employment, and income, as well as great difficulties regarding job hunting and emotional and psychological problems associated with changes in the usual style of life.

The COVID-19 pandemic forced schools and universities to close and this reality has forced a crash course of online learning and adopting new IT technologies on students and faculty. Digitalization of the education has progressed quickly as a result of the pandemic, and it has many positive effects, such as enabling the youth to continue receiving education and working online. However, a digital “gap” has emerged with regard to young people’s unequal access to technology and various online activities.

The traditional lifestyle of the Japanese people presupposes close and constant interaction between people in companies and school classes. Thus, the social distancing and self-isolation measures required during the pandemic can be perceived as coercive. One of the responses to these challenges was the rapidly spreading practice of *onrain dōsei* (living together online), when young visitors of video chats do not even communicate, but simply stay online together to go about their daily activities.

In this paper, the above-mentioned range of issues is considered in relation to the Japanese youth, whose problems have already (at the first stage of the epidemic, in 2020 – early 2021) revealed their own characteristics associated with the specifics of the political, economic, social, and everyday life in the country. We compare the Japanese approaches with the methods of solving similar problems used in other countries, firstly in the Asia Pacific and the USA.

Keywords: Japanese youth, lockdown generation, COVID-19 pandemic, problems of remote learning.

Author: Zhilina Larisa V., PhD in History, Associate Professor, Department of Foreign Languages, F. M. Dostoevsky Omsk State University, Russia, 644077, Omsk, Mira avenue, 55a.

ORCID 0000-0002-6337-3870,

E-mail: larissa-zhilina@yandex.ru

Conflict of interest: The author declares the absence of the conflict of interest.

В связи со старением населения в Японии происходит довольно быстрое сокращение числа лиц трудоспособного возраста. На первый взгляд, подобная ситуация должна была бы привести к улучшению позиций молодых людей на рынке труда. Однако затяжная экономическая депрессия сильно осложнила положение молодежи [Лебедева 2016, с. 44].

Наступление пандемии COVID-19, которое началось в январе 2020 г. и продолжается до сих пор, оптимизма в подобных вопросах не прибавило. Воздействие пандемии на общество стало изучаться исследователями уже на первых этапах распространения пандемии. Как отмечается во многих работах, (см., например, [Miller 2020]), помимо глубокого воздействия пандемии на социальную, экономическую и политическую жизнь общества, эпидемия COVID-19 затрагивает людей как эмоционально, так и психологически. Особенно уязвимыми в этом плане исследователи считают представителей так называемого «поколения Z», которым сейчас не более 18-25 лет; к 2025 г. они будут составлять почти четверть населения Азиатско-Тихоокеанского региона [Kim, McInerney, Smith, Yamakawa 2020]. Причины очевидны: пандемия с ее периодически объявляемыми локдаунами и режимами чрезвычайных ситуаций (ЧС) затруднила получение образования. Усугубляя негативные тенденции в виде упущенных возможностей и молодежной безработицы, она делает молодежь «поколением локдауна». Теперь вместо мира, полного возможностей,

представителей поколения Z ждет мир, полный неопределенностей [Parker, Igielnik 2020].

В данной работе этот круг вопросов рассматривается применительно к японской молодежи, проблемы которой на первом этапе эпидемии имели свои особенности, связанные со спецификой политической, экономической, общественной и повседневной жизни страны. В иллюстративных целях производится сравнение с положением дел в других странах, прежде всего, в государствах АТР и США. Следует подчеркнуть, что анализ относится к начальному периоду распространения COVID-19 (январь 2020 – апрель 2021 гг.)

Локдаун по-японски

Япония стала одной из первых (после Китая) стран, столкнувшихся с COVID-19. На начальной стадии эпидемии по темпам вакцинации она шла позади многих других государств, потому что импортных вакцин не хватало, а разработка собственных затягивалась. Тем не менее, в Японии не вводили ни одного полноценного локдауна. Так, в апреле 2021 г. правительство Японии в третий раз объявило режим ЧС, надеясь, что это помешает людям путешествовать и таким образом распространять вирус во время *Золотой недели* — короткого периода праздников и отпусков. Школы в Японии продолжили работать, но университеты все же попросили перейти на дистанционное обучение. При этом ношение масок, самоизоляция и некоторые другие меры оставались для граждан рекомендательными.

Отметим, что если в Китае, США и странах Европы для того, чтобы люди оставались дома, использовались юридически обязательные меры вмешательства, то в Японии такое вмешательство приняло форму правительственных обращений, призывающих людей воздерживаться от выхода из дома без острой необходимости. Весной 2020 г. в Японии было много людей, реально обеспокоенных тем, что такие обращения не дадут достаточного эффекта. Однако дальнейший анализ сложившейся в стране ситуации показал, что объявление чрезвычайного положения в определенной степени способствовало изменению поведения людей. В частности, в префектурах, где было объявлено чрезвычайное положение, выходы из дома сократились на 8,5%, а, например, в США количество клиентов, посещающих розничные магазины, в округах, в которых была введена изоляция,

уменьшилось только на 7,0% [Goolsbee, Syverson 2020, p. 2]. Таким образом, эффекты от государственного вмешательства были и в Японии, и в Соединенных Штатах, но их амплитуды оказались немного разными.

Принудительная изоляция в США и добровольная изоляция в Японии определенно повлияли на мобильность людей: в обеих странах передвижение людей существенно сократилось по сравнению с допандемийным. Однако, по мнению некоторых исследователей [Watanabe, Yabu 2020], ограничения оказали на это влияние лишь частично. Важную роль также сыграло то обстоятельство, что принимаемые меры повысили осведомленность людей о серьезности пандемии посредством правительственных заявлений в средствах массовой информации и публикации данных о количестве инфицированных и числе летальных исходов.

Иными словами, основной эффект был связан с распространением информации, сопровождающей ограничительные меры, — именно она заставляла людей добровольно воздерживаться от выхода из дома. Таким образом, полученный урок, как в Японии, так и в США заключался в том, что для сдерживания инфекции необходимо своевременно информировать людей, предоставлять достоверные данные и поощрять добровольные изменения в поведении граждан.

По-разному в двух странах решался и вопрос о том, что предпочтительнее при вмешательстве государства: принудительная или добровольная изоляция. Преимущество принудительного локдауна заключается в том, что его последствия можно в определенной степени предсказать, как можно ожидать и единообразных изменений в поведении широкого круга людей. С точки зрения самих граждан, принудительная изоляция предполагает жесткие ограничения их личной свободы: чтобы избежать наказания в виде штрафа или ареста, люди должны реагировать единообразно, как им предписано, независимо от их индивидуальных обстоятельств. Напротив, при добровольной изоляции каждый гражданин, основываясь исключительно на своих личных обстоятельствах, может решить, соблюдать эту просьбу со стороны правительства или нет.

Таким образом, большинство мер ЧС в Японии представляли собой просьбы и инструкции, их нарушители не могли быть наказаны за невыполнение. Чрезвычайное положение в японском варианте позволяло руководству префектур просить жителей оставаться дома,

рекомендовать закрытие школ, детских учреждений и общественных центров, а также некоторых магазинов и предприятий, предлагать организаторам отменить или отложить определенные мероприятия. Согласно заявлению Кабинета министров, жители могли выходить на улицу для проезда на работу, посещения больниц, покупки продуктов, занятий спортом на открытом воздухе и т. п.

При анализе данной проблемы необходимо учитывать и тот факт, что Япония юридически не могла обеспечить жесткую изоляцию. По мнению экспертов [Yamaguchi 2020], в Японии это связано с историей репрессий при милитаристских правительствах до и во время Второй мировой войны. Это заставляет японскую общественность опасаться чрезмерного вмешательства со стороны правительства. Послевоенная конституция страны предусматривает строгую защиту гражданских свобод. Кроме того, правительство С. Абэ не желало рисковать серьезными экономическими последствиями от принятия более суровых мер. В результате оно объявило о беспрецедентном пакете стимулов для оплаты мер по борьбе с коронавирусом и защиты предприятий и рабочих мест в размере 108 трлн иен (1 трлн долларов), что эквивалентно примерно пятой части годового ВВП Японии. В пакете также предусматривалась выдача наличных в размере 300 тыс. иен (2750 долларов) сильно пострадавшим семьям.

Многие эксперты считают, что именно просьба (а не приказ) японского правительства и послужила толчком для консолидации усилий властей и граждан страны для того, чтобы предотвратить распространение инфекции COVID-19.

COVID-поколение

Каждое поколение и каждая социальная группа японцев по-разному переживала пандемию. Поскольку именно исторический контекст определяет поведение людей, родившихся в одинаковый промежуток времени и у них есть сходные социально-психологические черты, универсальные для всего поколения, то важно понимать: что же определяет и формирует каждое поколение? Здесь исследователи выделяют два основных фактора [Дорси 2020]. Во-первых, важно, чтобы поколение уже было в меру взрослым для того, чтобы осознанно переживать происходящие события и в то же время еще достаточно юным, чтобы эти события смогли существенно повлиять на взгляды,

убеждения и отношение к миру и к будущему. Второй фактор — это вопрос о том, насколько мощные и незабываемые эмоциональные потрясения влекут за собой вышеупомянутые события. Обычно они имеют следствием рост страха и неуверенности, вызывают у представителей поколения чувство уязвимости и заставляют их смотреть на мир не так, как прежде.

Пандемия COVID-19 оказалась именно тем фактором, который определил характеристики японского поколения Z. По мнению исследователей, во-первых, представители этого поколения по большей части пессимисты. Их пессимизм обусловлен сложными обстоятельствами, в которых они выросли — длительный и вялый экономический рост, а также многочисленные стихийные бедствия. Во-вторых, они обладают высоким уровнем грамотности в области использования компьютерных устройств и современных средств связи. Выросшие в высокотехнологичной среде, они умело извлекают для себя пользу из использования гаджетов. Кроме того, представители этого поколения ценят семейные отношения, они формируют очень тесные связи со своими родителями и достаточно широкие, но более поверхностные отношения со своими друзьями [Sakashita 2020, p. 55–70]. Молодые люди из данной социальной группы в целом представляют собой сформированные личности, но при этом их ценности остаются гибкими и подверженными различным влияниям [Загребин 2014]. Сейчас именно эти молодые люди, оказавшись перед лицом разрушений, вызванных пандемией, особенно уязвимы и на решающем этапе их жизненного развития рискуют остаться без образования и экономических возможностей для достижения благополучия [Lavizzari, Escamilla, Roe, Petkovic 2020, p. 14].

Помимо влияния пандемии коронавируса на работу и учебу поколения Z, следует учесть и другие факторы стресса: внешний прессинг СМИ и усталость от ограничительных мер ЧС в стране. Эти драматические изменения серьезно сказались на психическом здоровье молодых людей. Для многих стало очевидным, что коронавирус — это и есть главный фактор, определяющий поколение Z, и чем глубже становится его влияние, тем больше неопределенностей и трудностей он создает.

Удаленка: прорыв или разрыв?

Эпидемия COVID-19 заметно изменила многие области жизни в Японии и не в последнюю очередь — образование. Представители поколения Z, окончившие школу и поступающие в японские вузы, сразу почувствовали неуверенность при выборе учебного заведения. Некоторые колледжи и университеты оперативно отменили занятия в кампусах и перешли на онлайн-обучение, в то время как другие испытывали трудности в связи с масштабами изменений, а также с ограничениями в практической части учебной деятельности — например, с доступом в научные лаборатории. Студентам колледжей и высших учебных заведений из поколения Z есть о чем беспокоиться — они просто не уверены, смогут ли доучиться. По данным ЮНЕСКО, с 1 апреля 2020 г. школы и высшие учебные заведения были закрыты в 190 странах, что затронуло более 1,6 млрд чел.¹. Из-за пандемии и прекращения работы дистанционное образование внезапно стало необходимостью для учащихся всего мира.

И хотя каждый сегмент образования сталкивается со своими уникальными проблемами, именно проблемы высшего образования могут в конечном итоге вызвать революцию в обучении. Студенты университетов уже достаточно взрослые люди, чтобы справиться с суровыми требованиями онлайн-работы, а как представители поколения Z они достаточно технологически подкованы, чтобы ориентироваться на новых платформах. Как выяснилось, настоящие проблемы заключаются как раз в самих учреждениях, в которые они поступили. Смогут ли традиционные университеты, созданные на базе кампусов, адаптироваться к сложившейся реальности, выбрать правильные технологии и подходы для обучения и привлечения студентов [Kandri 2020]? С одной стороны, распространение коронавируса уже привело к изменениям в японских университетах, например, к признанию необходимости онлайн-обучения (минимум до конца лета 2021 г.). Эти изменения сами по себе уже стали революцией для колледжей и университетов в Японии, где преподавание в значительной степени основано на аудиторных лекциях [Жилина 2020b, с. 46]. Профессор Кобаяси Масаюки из японского университета Оберлин (J.F. Oberlin

¹ From COVID-19 learning disruption to recovery: A snapshot of UNESCO's work in education in 2020. UNESCO. <https://en.unesco.org/news/covid-19-learning-disruption-recovery-snapshot-unescos-work-education-2020>

University) рассматривает новые вызовы, стоящие перед университетами, как возможность изменить саму образовательную систему, где необходимы реформы. Кроме того, он отмечает, что «онлайн-обучение будет стимулировать студентов задавать больше вопросов и общаться на занятиях, как это происходит в других странах, но успех будет зависеть от стремления к этому самих преподавателей и студентов [Kakuchi 2020]. С другой стороны, как утверждают эксперты, дистанционное образование определяется как стиль обучения, при котором преподаватели и учащиеся физически разделены, и используются различные технологии, позволяющие им эффективно общаться. Первоначально ориентированное на внештатных сотрудников учебных заведений и тех, кто оказался в отдаленных регионах, оно постепенно приобрело другой контекст. По прогнозам, к 2025 г. глобальный рынок онлайн-образования достигнет 350 млрд долларов². Однако за этими большими цифрами стоит реальная история сочетания новых технологий и методов обучения для улучшения онлайн-образования. Насколько плавен будет переход от очного обучения к онлайн-обучению? Этот вопрос остается открытым.

Несмотря на то, что многие преподаватели прошли определенную подготовку по проведению онлайн-уроков, это не было сделано централизованно; в Японии не было доступных центров поддержки онлайн обучения и технологий. Как показал опыт, когда COVID-19 стал причиной закрытия университетских кампусов, большинство высших учебных заведений (не только в самой Японии, но и во всем мире) оказались не готовы перейти на виртуальное обучение. В результате многие учебные заведения Японии, чтобы хоть как-то закончить семестр, выбрали низкотехнологичные решения, такие как видеоконференцсвязь Zoom и т. д. Такой не совсем комплексный подход мог создать у студентов и преподавателей впечатление, что дистанционное образование — это нечто хаотичное и сложное. Однако с продуманно разработанными интегрированными платформами и всесторонним обучением плавный переход на онлайн-образование может оказаться вполне выполнимым. Во время закрытия большинством учебных заведений предлагались такие виды самообучения,

² Online Education Market Study. Globe Newswire. www.globenewswire.com/news-release/2019/12/17/1961785/0/en/Online-Education-Market-Study-2019-World-Market-Projected-to-Reach-350-Billion-by-2025-Dominated-by-the-United-States-and-China.html

как отправка отсканированных печатных материалов по электронной почте и/или просмотр предварительно записанных видеолекций, размещенных на YouTube или на таких интернет-платформах, как Classi, Google Classroom и Google Drive. Некоторые из вузов пошли дальше: обеспечили синхронные интерактивные сеансы с использованием Zoom вместе с оцифрованными материалами. Все это делалось для того, чтобы помочь студентам сохранять мотивацию к дистанционному обучению, особенно в некоторых основных предметах. Однако и преподаватели, и родители студентов до сих пор обеспокоены потерей знаний и снижением глобальной конкурентоспособности своих детей из-за закрытия учебных заведений для посещения. В 2020 г. многие японские университеты решили отложить открытие весенних семестров до 6 мая или до конца мая. В период (первого) закрытия некоторые университеты, оказавшись не готовыми предложить свои курсы онлайн, начали создавать свои системы управления обучением, укреплять свою инфраструктуру и обучать преподавателей, в то время как другие — с более развитой инфраструктурой и опытом онлайн-преподавания — в срочном порядке предложили «внеплановое» дистанционное обучение.

Цифровой разрыв и образовательные потребности японских студентов

Реальность оказалась такова, что пандемия COVID-19 сделала дистанционное обучение необходимым для гораздо более широкой аудитории, чем прежде. В результате учебные заведения были вынуждены создавать или ускорять планы онлайн-образования, чтобы как можно быстрее освоить новейшие технологии для преподавателей и учащихся. Определенный набор программных приложений и платформ для облегчения онлайн-образования в мире уже существует, но необходимы дальнейшие улучшения с тем, чтобы облегчить их использование [Dignan 2020]. Хотя веб-технологии и растущая индустрия образовательных технологий значительно улучшили электронное обучение, они принесли пользу только тем, у кого есть доступ к широкополосному Интернету и современным компьютерам. Эпидемия COVID-19 высветила и усугубила так называемый цифровой разрыв, который существует во всем мире. По данным ЮНЕСКО, половина всех студентов в мире, лишенных очных занятий из-за пандемии, не имела

на начальном ее этапе доступа к компьютерам. Так, по состоянию на 2020 г., только 47,1% проживающих в Африке имели доступ в Интернет по сравнению с 59,5% жителей Азии, 87,2% европейцев и 90,3% жителей Северной Америки³. Там, где есть доступ в Интернет, есть неравенство в пропускной способности и скорости Интернета, которые зависят от социально-экономических факторов: занятости, образования, дохода домохозяйства. Несмотря на существующие стереотипы, согласно которым Япония — страна с высокими технологиями, многие японцы столкнулись с трудностями удаленной работы из дома именно по техническим причинам [Жилина 2020а, с. 70]. Оказалось, что довольно много молодых людей в Японии проживают в местах, где не было стационарного доступа к Интернету и поэтому для того, чтобы зайти в Интернет, они были вынуждены пользоваться своими мобильными телефонами.

Дистанционное образование принято определять как образовательный процесс, в котором все или большая часть обучения проводится удаленно от ученика, в результате чего все или большая часть общения между учителем и учащимся проходят через искусственный носитель, электронный или печатный. Но как оказалось, «аварийный» характер экстренного дистанционного обучения выявил его слабые места в плане теоретического обоснования и с точки зрения соответствия педагогической концепции.

Сфера дистанционного образования уже доказала свою значимость и ценность. Исследования показали, что в определенных условиях нет разницы между дистанционным обучением и очным обучением. Вопреки широко распространенным представлениям, дистанционное образование конкретно не касается онлайн-образования, а охватывает широкий спектр технологий [Bozkurt 2019, p. 252–273]. Для тех, у кого есть доступ к нужным технологиям, онлайн-обучение может во многих отношениях быть более эффективным: в среднем студенты запоминают на 25–60% больше материала при обучении онлайн по сравнению с 8–10% в аудитории. В основном это связано с тем, что студенты могут быстрее учиться в Интернете; электронное обучение требует на 40–60% меньше времени, чем в традиционном классе, потому что учащиеся могут учиться в своем собственном темпе, возвращаясь и перечитывая, пропуская или ускоряя прохождение той

³ Internet World Stats 2021. <https://www.internetworldstats.com/stats.htm>

или иной темы и материала по своему выбору. Кроме того, цифровые образовательные технологии и ресурсы создают непрерывный опыт обучения за пределами аудитории, а аналитика данных обеспечивает адаптивное обучение, оказывая влияние на учебные программы, выявляя пробелы в знаниях. Поддержание высокого уровня инноваций также повышает эффективность всей образовательной системы [Vedrenne-Cloquet 2015].

Вот почему неравенство в доступе к высокоскоростному Интернету, домашним компьютерам и непосредственно к онлайн обучению привело к появлению значительного числа студентов, которые окажутся, в итоге, далеко позади своих сверстников, которые имеют такой доступ. Некоторые исследования показывают, что студенты из малообеспеченных семей и из сельской местности, возможно, потеряли из-за эпидемии COVID-19 целый учебный год [Tadesse, Muluye 2020, p. 162].

Согласно отчету Всемирного экономического форума и сингапурской группы интернет-услуг Sea, молодые люди, не имеющие высшего образования и проживающие за пределами столиц, «гораздо чаще сталкиваются с трудностями при удаленной работе или удаленном обучении во время пандемии»⁴.

Отсрочка начала занятий в учебных заведениях вместо перевода уроков в онлайн обнажила слабые места и в японской системе образования. Япония является мировым лидером в области высоких технологий, но, к сожалению, как показала практика, отстает во внедрении и использовании технологий в школьных и университетских системах, а преподаватели, как правило, не обладают достаточной компетенцией в использовании ИКТ. Хотя кризис пандемии COVID-19 принес проблемы и тревоги, с которыми преподаватели, студенты и их родители никогда раньше не сталкивались, сложившаяся ситуация может предоставить японским школам и университетам шанс продвинуться в плане использования ИКТ, повысить их готовность к электронному обучению за счет улучшения инфраструктуры, повышения потенциала профессорско-преподавательского состава и студентов и т. д. [Bozkurt 2020, p. 14–16].

⁴ COVID-19 — The True Test of ASEAN Youth's Resilience and Adaptability. Impact of Social Distancing on ASEAN Youth. ASEAN youth survey 2020. World Economic Forum. http://www3.weforum.org/docs/WEF_ASEAN_Youth_Survey_2020_Report.pdf

Развитие коммуникационных технологий оказывает глубокое влияние на традиционную систему японского образования, как в начальных школах, так и в высших учебных заведениях. Преподаватели играют решающую роль в оказании помощи молодым людям в приобретении необходимого опыта использования обучающих сетей и доступа к информации, доступной в Интернете, а также в использовании Интернета для мониторинга успеваемости учащихся. Поскольку во всем мире особое внимание уделяется дистанционному обучению, то можно предположить, что сложные времена в японском образовании могут принести и отличные возможности, а эта важная образовательная модель будет продолжать совершенствоваться, становясь более эффективной и менее сложной. В будущем, вероятно, будет внедрена гибридная модель обучения, сочетающая очные занятия с дистанционным обучением. И эта новая модель образования требует, чтобы ее возглавляли дальновидные профессионалы.

Стресс с ограничениями

У старшей части поколения Z — нынешних студентов и недавних выпускников университетов — также все достаточно неопределенно: они столкнулись с серьезными трудностями именно в тот момент, когда большинство из них начинало самостоятельную жизнь. Тех, кто успел устроиться на работу, во время пандемии увольняли в числе первых [Taylor 2020].

Месяцы ограничений на ведение бизнеса повлияли на рынок труда, который был серьезно нарушен из-за ограничений, вызванных пандемией, в результате чего две возрастные группы страдают по-разному. Те, кому осталось всего несколько лет до выхода на пенсию, — теряют работу или с большей вероятностью выйдут на пенсию раньше, чем ожидалось. Другая возрастная группа, которая особенно страдает, — это молодые люди, впервые вышедшие на рынок занятости [Taylor 2020]. Как сообщила в своем докладе Международная организация труда (МОТ), в Азиатско-Тихоокеанском регионе рабочее время во втором квартале 2020 г. сократилось на 13,5% по сравнению с последним кварталом 2019 г., а это эквивалентно потере 235 млн рабочих мест с полной занятостью. На этом фоне именно молодежь особенно уязвима перед кризисом COVID-19, потому что она страдает от «множественных потрясений,

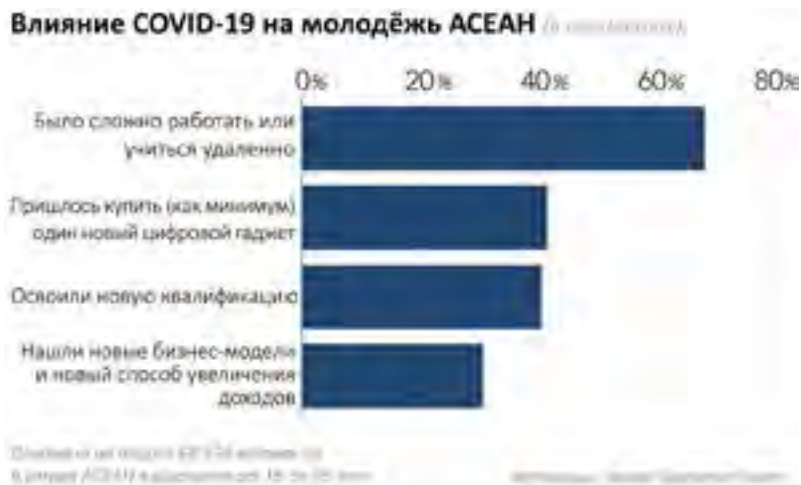

Рис. 1. Как пандемия COVID-19 повлияла на молодежь АСЕАН
Источник: [Okutsu, Iwamoto 2020. NikkeiAsia]

включая сбои в образовании и обучении, занятость и потерю доходов, а также большие трудности с поиском работы»⁵.

По данным Всемирного экономического форума (World Economic Forum-WEF) около 70% молодых людей в возрасте 16-35 лет в шести странах АСЕАН, где проводилось исследование «Устойчивость и адаптируемость молодежи и влияние социального дистанцирования на молодежь АСЕАН», отметили, что им было сложно работать или учиться удаленно во время объявленных ограничений связанных с пандемией, а 40% сообщили, что им пришлось нести дополнительные расходы на приобретение, по крайней мере, одного нового цифрового гаджета для осуществления дистанционной работы или учебы, и появилась необходимость освоить новую квалификацию для того, чтобы найти новый способ увеличения доходов⁶ (рис.1).

⁵ ILO Monitor: COVID-19 and the world of work. Fourth edition Updated estimates and analysis. ILO. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@dcomm/documents/briefingnote/wcms_745963.pdf

⁶ COVID-19 — The True Test of ASEAN Youth’s Resilience and Adaptability. Impact of Social Distancing on ASEAN Youth. ASEAN youth survey 2020. World Economic Forum. http://www3.weforum.org/docs/WEF_ASEAN_Youth_Survey_2020_Report.pdf

Схожая ситуация существует и в гораздо более развитой Японии. В феврале 2021 г. 32% молодых японцев в возрасте 17-19 лет отметили, что COVID-19 повлиял на их жизненные планы и более 33% — что им пришлось расширить масштабы поиска работы из-за пандемии⁷. И это не может не вызывать тревогу, поскольку «появился риск того, что молодые люди будут травмированы на протяжении всей своей трудовой жизни, что приведет к появлению “изолированного поколения”» [Okutsu, Iwamoto 2020].

Однако, несмотря на сложные условия, в которых оказалась азиатская молодежь, ускоренный запретительными ограничениями сдвиг к цифровизации означает то, что появляется множество ресурсов для получения новых навыков и решения новых задач для тех, у кого есть доступ в Интернет, молодежь будет активно вовлечена в процесс «цифровой социализации» [Smith, Hewitt, Skrbiš 2015, p. 1022–1038]. Некоторые начинающие работать молодые японцы параллельно пытаются заниматься бизнесом в Интернете, поскольку видят в этом определенную подстраховку на случай, если их уволят с работы.

Крупные компании уже давно предпочитают нанимать и обучать новоиспеченных выпускников университетов сразу после окончания учебы. Так, в 2018 г. выпускники получили около 70% открытых вакансий в компаниях, где они и остаются работать: каждый четвертый японский работник проработал в своей компании более 20 лет. В США, например, только один из 10 сотрудников задерживается в компании на такой срок [Takada, Takezawa 2020]. В начале 2021 г. в Японии существовало около 1,5 вакансий на каждого выпускника. И хотя этот показатель значительно снизился по сравнению с 2018 и 2019 гг., он остается достаточно высоким (рис.2).

Как считают эксперты, хотя на первый взгляд эти цифры и не такие удручающие, но студентам, стремящимся найти работу в определенных секторах японской экономики, необходимо будет переосмыслить

⁷ Japan: Impact of COVID-19 on the future of young people. Statista.com. <https://www.statista.com/statistics/1201259/japan-impact-coronavirus-future-young-people/>; Statista — статистический портал, который объединяет тысячи данных и фактов по различным темам из самых разных источников на единой платформе. Источники информации включают исследования рынка, отраслевые публикации, научные журналы и правительственные базы данных.

Рис. 2. Как соотносится количество соискателей и вакансий для выпускников в Японии
Источник: [Okutsu, Iwamoto 2020. NikkeiAsia]

свои планы и мечты, поскольку авиакомпании, туристический, гостиничный и ресторанный бизнес сильно пострадали от коронавируса и отменяют или откладывают планы найма. Пока что самые серьезные сокращения приходятся на компании, работающие в наиболее пострадавших отраслях: Japan Airlines Co., All Nippon Airways Co. и туристическое агентство HIS вообще отменили планы по найму выпускников 2021 года, а многие другие компании запланировали сокращения числа нанимаемых работников.

Долгосрочные последствия этого «ледникового периода занятости» вызвали призывы к большей мобильности рынка труда. Нынешняя ситуация требует также большей гибкости от рекрутинговых компаний. Вместе с тем исследователи из лаборатории New Generation Lab японского рекламного агентства Nakuho⁸, положительно оценивают способность Интернета предоставлять возможности для самореализации современной молодежи. Но, несмотря на плюсы, также существуют и опасения по поводу воздействия изоляции на отсутствие личного общения молодых людей и их социального развития.

⁸ Korona-ka no wakamono-tachi no kurashi to tenbō [Young people's lives and hopes in the COVID-19 crisis]. Nakuho. <https://www.hakuhodo.co.jp/magazine/81869/>

Жизнь в сети

В период самоизоляции, когда были наложены определенные ограничения на выход из дома и встречи с другими людьми, возможности встречаться в Интернете с помощью видео-чатов резко возросли для всех пользователей, а не только для более молодых возрастных групп. Но именно среди многих молодых людей стало популярным оставаться в сети со своими друзьями и партнерами не менее десяти часов в день. Некоторые люди разговаривают более 20 часов в день. Эти расширенные видео-чаты без определения лимита времени для выхода из интернета, когда участники иногда даже не разговаривают, а просто занимаются другими делами, оставаясь в сети, привели к появлению в обиходе нового словосочетания *オンライン同棲* (*onrain dōsei* — совместная жизнь в сети)⁹. Еще до пандемии COVID-19 молодые люди использовали приложения, чтобы делиться своим местоположением, публиковать истории, выкладывать в общий доступ свой распорядок дня и активно делиться информацией о себе или размещать информацию, представляющую интерес для других людей, разделяющих те же увлечения, чтобы получать их комментарии. Не удивительно, что все это помогает стирать границы между публичным и частным, изменяя восприятие конфиденциальности.

При этом общение, как правило, ограничивается только друзьями, с которыми молодые люди регулярно и длительное время общаются в сети. Поскольку сезон апрель-май — начало учебного года в Японии — стал периодом самоизоляции, то студенческие вечеринки, мероприятия, посвященные поступлению в учебные заведения, проводились только онлайн. Несмотря на то, что онлайн-разговоры обычно не вызывают затруднений при повседневном общении, как правило, они затрудняют сближение с людьми, которые только что познакомились. Вот почему влияние пандемии COVID-19 на межличностные отношения молодых людей тоже нельзя игнорировать.

В докладе МОТ отмечалось, что в результате пандемии около 50% молодых людей в возрасте 18-29 лет находятся в депрессии или испытывают сильное беспокойство¹⁰. Проведенные за последний год

⁹ Ibid.

¹⁰ Youth and Covid-19: Impacts on jobs, education, rights and mental being. Survey Report 2020. ILO. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/documents/publication/wcms_753026.pdf

исследования¹¹ выявили, что пандемия COVID-19 создала угрозу психическому здоровью молодежи и что карантинные меры и социальное дистанцирование оказали на нее серьезное психологическое воздействие, вызывающее стресс, беспокойство и одиночество. Согласно исследованию ОЭСР, именно молодые люди (в возрасте 18-29 лет) с начала пандемии испытывали более высокий уровень стресса по сравнению с другими возрастными группами.

По результатам опроса, опубликованного министерством здравоохранения Японии, в общей сложности 14% опрошенных студентов заявили, что они «каждый день находятся в депрессии или чувствуют себя подавленным почти весь день». Многие университеты создали веб-сайты для информирования студентов о психическом здоровье и доступной поддержке. Осакий Муниципальный университет (Osaka City University) начал предлагать онлайн-тесты психического здоровья с июня 2020 г. и, по словам профессора Т. Ёсикава, главы центра здоровья и медицины, было обнаружено, что очень много студентов нуждаются в психологической помощи. На фоне такой обеспокоенности по поводу изоляции студентов К. Хагиуда, министр образования Японии, на пресс-конференции обратился к руководству университетов с предложением проводить некоторые занятия в привычном офлайн режиме.

Заключение

Молодые японцы, став основными жертвами социальных и экономических последствий пандемии — «Поколением локдауна», столкнулись с различными потрясениями, вызванными кризисом COVID-19. Главные среди них — сложности с получением образования, проблемы с поиском работы и неизбежные потери доходов. Как говорится в докладе Международной организации труда, «влияние пандемии на молодых людей оказалось систематическим, глубоким и непропорциональным»¹². По мнению экспертов, еще слишком рано

¹¹ OECD Policy Responses to Coronavirus (COVID-19). Youth and COVID-19: Response, Recovery and Resilience. www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/youth-and-covid-19-response-recovery-andresilience-c40e61c6/#section-d1e113

¹² ILO Monitor: COVID-19 and the world of work. Fourth edition Updated estimates and analysis. ILO. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@dcomm/documents/briefingnote/wcms_745963.pdf

оценивать роль влияния и результаты «экстренного» дистанционного образования в условиях ЧС, а также последствия пандемии для японской системы высшего образования. Воздействие пандемии на японское общество еще станет предметом более серьезного анализа, но некоторые аспекты, рассмотренные в этой работе, стоят того, чтобы задуматься уже сейчас: сможет ли японское поколение локдауна остаться поколением Z?

Библиографический список

Дорси Д. (2020) Поколение Z и COVID-19: момент определяющий сознание. *Россия в глобальной политике*. 02.05.2020. <https://globalaffairs.ru/articles/pokolenie-z-covid-19/> (дата обращения: 21.05.2021).

Жилина Л. В. (2020а). COVID-19: Японские традиции против нового вызова. *Ежегодник Японии 2020*. Т. 49. С. 62–85. DOI: 10.24411/2687-1432-2020-10003

Жилина Л. В. (2020б). Японские университеты: затянувшаяся перемена. *Азия и Африка сегодня*. 2020. №11. С. 42–47. DOI 10.31857/S032150750012187-7

Загребин В. В. (2014) Подходы к определению категории «молодёжь». *Концепт*. № 2. <https://e-koncept.ru/2014/14030.htm> (дата обращения: 21.05.2021).

Лебедева И. П. Японская молодежь на рынке труда: экономические и социальные аспекты. *Японские исследования*. 2016, № 2. С. 43–56.

References

Bozkurt, A. (2019). From distance education to open and distance learning: A holistic evaluation of history, definitions, and theories. In S. Sisman-Ugur, G. Kurubacak (Eds.), *Handbook of Research on Learning in the Age of Transhumanism* (pp. 252–273). Hershey, PA: IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-5225-8431-5.ch016>

Bozkurt, A. (2020). A global outlook to the interruption of education due to COVID-19 pandemic: Navigating in a time of uncertainty and crisis. *Asian Journal of Distance Education*, 15 (1), 1–126.

Dignan, L. (2020, March 22). Online learning gets its moment due to COVID-19 pandemic: Here’s how education will change. *ZDNet*. Retrieved

May 21, 2021, from <https://www.zdnet.com/article/online-learning-gets-its-moment-due-to-covid-19-pandemic-heres-how-education-will-change/>

Dorsi, J. (2020, May 2). Pokoleniye Z i COVID-19: moment opredelyayushchiy soznanie. [Generation Z and COVID-19: The moment that defines consciousness]. *Russia in Global Affairs*. Retrieved May 21, 2021, from <https://globalaffairs.ru/articles/pokolenie-z-covid-19/> (In Russian).

Goolsbee, A., Syverson, C. (2020). Fear, lockdown, and diversion: Comparing drivers of pandemic economic decline 2020. *National Bureau of Economic Research*, № 27432, p. 1–23. Retrieved May 21, 2021, from https://www.nber.org/system/files/working_papers/w27432/w27432.pdf

Kakuchi, S. (2020, May 8). COVID-19 hits student finances, amid calls for wider reforms. *University Worlds News*. Retrieved May 21, 2021, from <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200508141842584>

Kandri, S. E. (2020). How COVID-19 is driving a long-overdue revolution in education. *World Economic Forum*. Retrieved May 21, 2021, from <https://www.weforum.org/agenda/2020/05/how-covid-19-is-sparking-a-revolution-in-higher-education>

Kim, A., McInerney, P., Smith, T. R., Yamakawa, N. (2020, June 29). What makes Gen Z in Asia different? *McKinsey.com*. Retrieved May 21, 2021, from <https://www.mckinsey.com/business-functions/marketing-and-sales/our-insights/what-makes-asia-pacifics-generation-z-different>

Lavizzari, A., Escamilla, A., Roe, S., Petkovic, S. (2020). Meta analysis of research on the impact of Covid-19 on the youth sector. *Joint (EU-CoE) Programme*. Retrieved May 21, 2021, from <https://pjp-eu.coe.int/documents/42128013/72351197/Meta-analysis-of-research-on-the-Impact-of-Covid-19-on-the-youth-sector.pdf/b174580e-4efb-8d02-5be2-c793d7f40b56>

Lebedeva I. P. (2016). Yaponskaya molodezh' na rynke truda: ekonomicheskiye i sotsial'nyye aspekty [Japanese Youth at the Labor Market: Economic and Social Aspects]. *Japanese Studies in Russia* № 2, p. 43–56 (In Russian).

Miller, E. D. (2020). The COVID-19 Pandemic Crisis: The Loss and Trauma Event of Our Time. *Journal of Loss and Trauma*, 1–13. <https://doi.org/10.1080/15325024.2020.1759217>

Moore, M. (1997). Theory of transactional distance. In Keegan, D. (Ed.), *Theoretical Principles of Distance Education* (pp. 22–38). Routledge.

Okutsu, A., Iwamoto, K. (2020, August 25). Lockdown generation: COVID-19 upends Asian students' plans. *Nikkei Asia*. Retrieved May 21,

2021, from <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Asia-Insight/Lockdown-generation-COVID-19-upends-Asian-students-plans>

Parker, K., Igielnik, R. (2020, May 15). What we know about Gen Z so far. *Pew Research Center's Social & Demographic Trends Project*. Retrieved May 21, 2021, from <https://www.pewsocialtrends.org/essay/on-the-cusp-of-adulthood-and-facing-an-uncertain-future-what-we-know-about-gen-z-so-far/>

Sakashita, M. (2020). Generation Z in Japan: Raised in Anxiety. In Gentina, E. and Parry, E. (Eds.). *The New Generation Z in Asia: Dynamics, Differences, Digitalisation (The Changing Context of Managing People)* (pp. 55–70). Emerald Publishing Limited, Bingley. <https://doi.org/10.1108/978-1-80043-220-820201007>

Smith, J., Hewitt, B., Skrbiš, Z. (2015). Digital socialization: young people's changing value orientations towards internet use between adolescence and early adulthood. *Information, Communication & Society*, 18(9), 1022–1038. DOI: 10.1080/1369118X.2015.1007074.

Tadesse, S., Muluye, W. (2020). The Impact of COVID-19 Pandemic on Education System in Developing Countries: A Review. *Open Journal of Social Sciences*, 8, 159–170. <https://doi.org/10.4236/jss.2020.810011>

Takada, K., Takezawa, S. (2020, September 18). Virus Wrecks Once-in-a-Lifetime Job Chance for Japan's New Grads. *Bloomberg*. Retrieved May 21, 2021, from <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-09-17/virus-wrecks-once-in-a-lifetime-job-chance-for-japan-s-new-grads>

Taylor, T. (2020, June 24). Young Adults Entering COVID-19 Workforce: A Global View. *Conversable Economist*. Retrieved May 21, 2021, from <https://conversableeconomist.blogspot.com/2020/06/young-adults-entering-covid-19.html>

Vedrenne-Cloquet, B. (2015). *What is EdTech and why is it such a big opportunity?* Retrieved May 21, 2021, from <https://www.hottopics.ht/14731/what-is-edtech-and-why-is-it-important/>

Watanabe, T., Yabu, T. (2020). Japan's Voluntary Lockdown. *Central Bank Communication Design*. Retrieved May 21, 2021, from <https://www.centralbank.e.u-tokyo.ac.jp/wp-content/uploads/2020/08/cb-wp027.pdf>

Yamaguchi, M. (2020, April 9). Japan's COVID-19 State of Emergency Is No Lockdown. What's In It? *The Diplomat*. Retrieved May 21, 2021, from <https://thediplomat.com/2020/04/japans-covid-19-state-of-emergency-is-no-lockdown-whats-in-it/>

Zagrebin, V. V. (2014). Podkhody k opredeleniyu kategorii ‘molodezh’ [Approaches to the definition of the category ‘youth’]. *Concept*, 2. Retrieved May 21, 2021, from <http://e-koncept.ru/2014/14030.htm> (In Russian).

Zhilina, L. V. (2020a). COVID-19: Yaponskiye traditsii protiv novogo vyzova. [Japanese Traditions Against a New Challenge]. *Yearbook Japan*, 49, 62–85. DOI: 10.24411/2687-1432-2020-10003 (In Russian).

Zhilina, L. V. (2020b). Yaponskiye universitety: zatyanyuvshayasya peremena. [Japanese Universities: Long-term Breakdown]. *Aziya i Afrika segodnya*, 11, 42–47. DOI 10.31857/S032150750012187-7 (In Russian).